

DOI: 10.12731/2218-7405-2016-12-314-331

УДК 316.35

ПРЕЗЕНТАЦИЯ БАЗИСНЫХ ИНТЕРЕСОВ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Ушамирский А.Э.

В статье рассматривается проблема представления молодежью своих базисных интересов референтному окружению и основным социальным институтам. Подчеркивается, что для современной государственной молодежной политики характерна неопределенность в определении этих интересов, что актуализирует задачу формирования каналов их презентации. В качестве одного из таких каналов рассматриваются социологические исследования. На материалах конкретных эмпирических исследований оцениваются особенности презентации молодежью трех базисных интересов – поиск идентичности, стремление к адаптации в обществе и ожидание жизненного успеха.

Ключевые слова: *молодежь; базисные интересы молодежи; адаптация; идентификация; жизненный успех; хронотоп.*

PRESENTATION OF THE BASIC INTERESTS OF THE YOUTH IN SOCIOLOGICAL RESEARCHES

Ushamirskiy A.E.

The article considers the problem of the youth`s representation of their basic interests to reference`s environment and basic social institutions. It is emphasized that the uncertainty in defining these interests is typical for modern state youth policy, what actualizes the task of forming of the channels for their presentation. As one of such channels are considered sociological researches. On the materials of the particular empirical researches the features of the presentation of three basic interests – the

search for identity, the desire for adaptation in society and the expectation of life`s success are evaluated by the youth.

Keywords: *youth; the basic interests of the youth; adaptation; identification; life`s success; the chronotope.*

В социологии молодежи существуют проблемы, на первый взгляд, имеющие очевидное решение, но при более глубоком изучении оказывающиеся крайне сложными и весьма неоднозначными. К числу таких проблем мы относим проблему учета государством в реализуемой им молодежной политике интересов самой российской молодежи. Ответ, казалось бы, очевиден – государственная молодежная политика изначально должна содействовать их осуществлению.

Однако, когда приходится анализировать определения содержания государственной молодежной политики как в нормативных документах, так и в исследованиях различных авторов, выясняется: идея адекватности молодежной политики интересам молодежи либо вообще не сформулирована, либо прописана крайне нечетко.

Так формулировка, предложенная еще в Основных направлениях государственной молодежной политики – ГМП (1993 год) предполагала ее определение как деятельности государства, направленной на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации молодого человека и развития молодежных объединений, движений, инициатив [10, с. 72]. В Стратегии государственной молодежной политики 2006 года ее главной целью провозглашалось развитие и реализация потенциала молодежи в интересах России [3, с. 19]. Подчеркивалось, что ГМП направлена на «формирование приоритетов и мер, способствующих созданию условий и возможностей для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи, развитию её потенциала в интересах России, социально-экономическому и культурному развитию страны, повышению конкурентоспособности страны и укреплению национальной безопасности» [12].

Наконец, в принятых в ноябре 2014 года Правительством РФ «Основах государственной молодежной политики Российской

Федерации на период до 2025 года» она трактуется как «система мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового и научного характера, реализуемая на основе взаимодействия с институтами гражданского общества и гражданами, активного межведомственного взаимодействия, направленная на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня её потенциала в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности страны, а также упрочения её лидерских позиций на мировой арене» [8].

Не менее неопределенными в рассматриваемом контексте выглядят и формулировки, предлагаемые исследователями. Так И.Л. Савельев, полагает, что «наиболее адекватная современным условиям концепция государственной молодежной политики основывается на том, что существует определенная объективная потребность в особом направлении деятельности государства, которая имеет своей целью создание необходимых социально-экономических, политических и правовых условий и гарантий для социального становления и развития молодого человека, реализации творческого потенциала молодого поколения в интересах общественного прогресса» [9, с. 34]. Категория «интересы» в данном случае вообще отсутствует.

С.О. Елишев данное понятие использует, но при этом говорит об интересах людей и общества в целом: «Государственная молодежная политика – это способ регулирования государством межпоколенческих отношений, управления процессом преемственности поколений, наращивания человеческого потенциала в интересах людей и развития общества... Общественная молодежная политика – это деятельность иных институтов политической системы общества: политических партий, общественных объединений, религиозных организаций, корпораций в отношении молодежи» [9, с. 49–50].

На первый взгляд, во всех этих формулировках интересы молодежи присутствуют имплицитно. Тем более, что обычно, их упоминают,

рассуждая о принципах реализации государственной молодежной политики [3, с.19]. Однако все оказывается не столь просто, если принять во внимание несколько обстоятельств:

– во-первых, любые заявления о создании благоприятных условий для развития молодежи и функционирования ее объединений являются безотносительными к структуре молодежных интересов, поскольку не проясняют, как понимать эти условия и в какой мере совпадают представления о них у субъектов управления и у самой молодежи;

– во-вторых, нельзя не учитывать, что интересы государства и общества нередко весьма специфическим образом трактуются представителями административно-бюрократической системы. Государственная и муниципальная бюрократия, выступая как специфическая корпорация, формирует особую субкультуру, которая представляет собой ценностный локальный мир чиновников, отличающийся от базовой – «большой», «материнской» – культуры и находящий свое выражение в индивидуальных и коллективных стереотипах поведения и их деятельности, воплощенных в специфических знаково-символических манифестациях, социокодах, формах сознания и структурах личностной идентичности; подсистемах стилей и стилевого поведения; групповых формах культурных стандартов и специфических продуктов духовного производства [2, с. 21]. В рамках этой субкультуры бюрократический корпоративный интерес нередко выдается за общегосударственный и даже общенациональный, что, несомненно, не может приниматься большей частью молодежи (исключение здесь составляют ангажированные бюрократией молодежные лидеры);

– в-третьих, в силу высокого уровня социальной дифференциации российского социума, как, впрочем, и самой молодежи, отождествлять ее интересы с интересами всего общества неправомерно. Более того, понятно, что даже понятие «интересы молодежи» следует использовать крайне осторожно. Обсуждая проблему, речь в большинстве случаев (но, как постараемся показать далее, не всегда) надо вести об интересах отдельных групп и личных интересах;

– в-четвертых, в настоящее время в России отсутствуют институционализированные социальные технологии презентации, артикуляции и агрегации интересов молодежи, что создает трудности при их идентификации и реализации мер, позволяющих большинство этих интересов удовлетворить.

Постараемся пояснить последнее заключение.

Прежде всего, под социальными технологиями презентации, артикуляции и агрегации интересов молодежи мы понимаем комплекс алгоритмически выстроенных процедур, позволяющих молодым людям представить (презентовать) свои интересы референтному окружению. Употребление понятия «технологии» в данном случае связано с тем, что эти процедуры носят устойчивый характер, предполагают поэтапные действия и могут быть отрефлексированы участниками. Напомним в данной связи, что один из авторитетных сторонников социально-технологического подхода к упорядочению и преобразованию реальности М. Марков определил социальную технологию как способ реализации конкретного сложного процесса путем расчленения его на систему взаимосвязанных процедур и операций, которые выполняются однозначно. Крайне важен был сделанный им вывод об условиях технологизации любого процесса. Он писал: «Для технологизации любого процесса необходимо наличие, по крайней мере, двух условий. *Первое*: сам процесс должен иметь такую степень сложности, которая позволяла бы и требовала расчленения его на относительно обособленные части. Следовательно, потребность в создании технологии диктуется, прежде всего, самим объектом, степенью его сложности. *Второе*: изыскание средств, которые позволили бы так систематизировать действия субъекта, чтобы максимальный эффект достигался при минимуме усилий»[4, с. 45].

Институционализация социальных технологий презентации, артикуляции и агрегации интересов молодежи представляет собой процесс их нормативного закрепления, упорядочения, установления в виде определенных правил, ибо, как обоснованно утверждает Д. Норт, «институты – это «правила, механизмы, обеспечивающие их выпол-

нение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми» [7, с. 73]. Институционализация социальных технологий презентации, артикуляции и агрегации интересов предполагает, что молодежь, как специфическая социально-демографическая группа, или ее подгруппы, будут соблюдать конкретные правила их предъявления обществу. При этом презентация, представляя собой декларацию о том, что тот или иной интерес имеет место, разделяется субъектами, является только начальным этапом предъявления. Второй этап – артикуляция, в ходе которой интерес выражается в форме требования, которое может быть адресована как к окружению, так и к самим субъектам. Третий – агрегация – придание артикулированному интересу атрибута общности.

В рассматриваемом контексте особое значение приобретает проблема базисных интересов молодежи. К их числу мы считаем возможным отнести те интересы, которые определяются ее статусом в современном обществе и перспективами в обществе будущего. Для базисных интересов молодежи характерны:

- объективная обусловленность, поскольку они не зависят от того, в какой мере тот или иной молодой человек осознает их и пытается практически реализовать в ходе жизнестроительства;
- универсальный характер; это именно те немногие интересы, которые присущи всем молодым людям, вне зависимости от социального статуса, этноконфессиональной принадлежности или субкультурной ориентации;
- хронотопичность. Суть этой характеристики заключается в том, что базисные интересы молодежи формируются как конструкт сознания, объединяющий в себе прошлое, настоящее и будущее¹.

С учетом сказанного мы считаем возможным выделить три базисных интереса российской молодежи: поиск идентичности,

¹ Под хронотопом в данном случае мы понимаем культурную модель, сознательно или бессознательно конструируемую человеческим сознанием, в пределах которой субъекты одновременно идентифицируют себя с актуальным окружением, предками и носителями эталонного будущего.

стремление к адаптации в обществе и ожидание жизненного успеха. Принципиальная значимость для молодежи идентификации определяется тем, что молодежь представляет собой, по ставшему классическим определению В.Т. Лисовского, «поколение людей, находящихся в стадии социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции...» [11, с. 32]. Усвоение этих функций невозможно без определения образцов, в качестве которых выступают представители иных социальных групп, чаще всего – относящихся к так называемым «взрослым» поколениям. Другая сторона идентификации – отрицание примеров, представляющихся молодым людям неприемлемыми. Таким образом, идентификация молодежи в большинстве случаев – это процесс, заключающийся в сопоставлении себя с уже состоявшимся прошлым. Поэтому поиск идентичности, рассматриваемый в контексте хронотопического конструкта, представляет собой ретро-интерес, несмотря на то, что субъективно идентификационные образцы могут восприниматься как установки, проецируемые на будущее.

Второй, неразрывно связанный с поиском идентичности базисный интерес – стремление адаптироваться к сложившимся общественным отношениям, – определяется вполне естественным желанием интегрироваться в социум, минимизировав возможные социальные риски. Нельзя не согласиться с А.И. Ковалевой в том, что «в молодежной среде адаптация приобретает особое значение» [10, с. 7]. Объясняется это тем, что молодежь крайне уязвима для социальных опасностей и угроз. Во-первых, потому, что в своей основной части она еще только проходит социализацию в рамках существующих, в основном образовательных институтов. Незавершенность социализационного процесса, как правило, не позволяет в полной мере использовать институциональный потенциал для защиты интересов молодых людей. Во-вторых, большая часть молодежи обладает недостаточными социальными ресурсами, позволяющими выбирать и осуществлять независимую жизненную стратегию. Стремление к адаптации в общество представляет собой современный интерес молодежи.

Наконец, ожидание жизненного успеха целесообразно рассматривать в качестве проективного (футуристического) интереса молодежи, завершающего хронотопическую конструкцию, поскольку, несмотря на важность идентификации и адаптации молодых людей, их главные жизненные планы будут реализованы в перспективе. Жизненный успех, в сущности, означает фиксацию молодым человеком факта достижения жизненных целей, соотношенную с высокой оценкой данного обстоятельства как самим субъектом, так и значимыми представителями референтного окружения. Нельзя не согласиться с А.Л. Маршаком и Л.В. Рожковой в том, что «понятие «жизненный успех» – сложное и многомерное, что обусловлено рядом причин объективного и субъективного порядка. С одной стороны, он взаимосвязан с социальной средой и наличием возможностей для реализации жизненных притязаний личности, с другой – зависит от способностей индивида, уровня его индивидуализации» [5, с.157]. Но при всей сложности и неоднозначности трактовки понятия ясно: для большинства молодых людей надежда на успех является фундаментальной жизненной установкой.

Таким образом, мы считаем возможным свести базисные интересы молодежи к трем указанным позициям, не отрицая, что они по-своему интерпретируются каждым молодым человеком, который к тому же имеет разнообразные частные интересы и пытается осуществить в повседневной жизни.

Довольно очевидно, что без презентации последующие процедуры представления молодежью своих базисных интересов не могут быть реализованы на практике. Однако довольно естественным является вопрос, каким образом молодежь, ее отдельные когорты и конкретные молодые люди могут в настоящее время презентовать свой интерес. Вопрос этот особенно актуален в связи с тем, что современное российское общество характеризуется широким распространением манипулятивных практик, в том числе и используемых в отношении молодежи. Представляя собой скрытое управление людьми, в результате которого субъект получает односторонние преимущества, манипуляция довольно часто сводится к подмене

действительных интересов молодежи симулякрами. И осознать совершающуюся подмену молодые люди довольно часто не в состоянии в силу присущего большинству из них дефицита рефлексии [1, с. 109–115]. Между тем, как подчеркивает А.Л. Тоом, «человек, лишенный самостоятельной рефлексии... есть идеальный объект манипуляции» [13, с. 183].

Манипуляция интересами молодежи, в сущности, сводится к тому, что молодым людям предлагается считать внешний интерес собственным. И эта подмена, как правило, фундируется формально самыми благородными соображениями, апелляцией к высшим гражданским и нравственным ценностям.

Если реально оценить условия жизнедеятельности современной российской молодежи, то каналы представления ею базисных интересов ограничены. В какой-то мере это отражает общую ситуацию с презентацией массовых интересов в современной России, характеризующейся преобладанием нисходящих информационно-коммуникационных потоков, рассматриваемых преимущественно как инструменты управления общественным мнением, а не его выражения. Однако положение молодежи характеризуется значительно большими, чем положение основных групп «взрослого» населения, трудностями самовыражения в силу ограниченности ее доступа к информационным (и социальным в целом) ресурсам. Кроме того, в значительной части общества до настоящего времени сохраняется стереотипное представление о молодежи только как об объекте воспитания, под которым довольно часто понимается элементарная «информационная накачка», осуществляемая через СМИ и целенаправленно созданные молодежные организации. Т.И. Морозова определяет такие организации как «своеобразные мобилизационные проекты». Под мобилизационным проектом автором понимается «созданная конкретным социальным (чаще всего политическим) институтом, группой лиц или (в довольно редких случаях) криптократической организацией структура, объединяющая молодежь для достижения целей инициатора, предполагающая использование манипулятивных практик в отношении ее членов

и использование набора идей, обеспечивающих эффективность манипуляции» [6, с. 190].

Разумеется, в настоящее время существуют довольно широкие возможности декларации интересов в социальных сетях. Но сетевое поведение ориентировано преимущественно на повседневные проблемы, базисные интересы в нем проявляются лишь опосредованно.

В силу указанных обстоятельств мы полагаем, что наиболее реальные возможности для презентации молодежи своих базисных интересов создают эмпирические социологические исследования. Однако, утверждая это, мы должны учесть несколько важных обстоятельств.

Прежде всего, то, что сама идея анализа молодежных интересов средствами эмпирической социологии довольно банальна. Практика проведения таких исследований насчитывает несколько десятилетий, и во многих отношениях оправдала себя. Новое здесь заключается лишь в хронологической структуре концепта базисных интересов, отражающих три аспекта: ретроориентированный поиск идентичности, актуальное стремление к адаптации в обществе и футуристическое ожидание жизненного успеха. Эти позиции формируют матрицу исследования, которая естественно имеет свои издержки, поскольку изначально задает молодым людям рамки обсуждения. Именно такая «заданность» служит основанием для упреков исследователей в том, что изучаются не интересы молодежи, но их концепция, построенная социологами.

В сущности, эти упреки отражают реальную ситуацию. Но идея базисных интересов заключается именно в том, что они определяются не на основе простого суммирования представлений молодых людей, многие из которых не способны подняться до осмысления собственных фундаментальных потребностей либо в силу низкого уровня интеллектуального развития и ограничиваются сиюминутными интересами, либо вследствие уже указанной манипуляции. Она основывается на осмыслении положения молодежи в обществе как особой социально-демографической группы, объективно находящейся в состоянии трансгрессии.

Еще одним существенным обстоятельством является то, что эмпирические социологические исследования в обществе, характеризующемся тотальным влиянием средств массовой информации и коммуникации, объект исследования зачастую не формулирует собственную позицию, но воспроизводит некоторые стереотипы, почерпнутые из масс-медиа. Однако, на наш взгляд, данное обстоятельство не является фатальным для проведения исследований, но лишь требует более тщательной интерпретации полученных данных, включающих не только рациональный анализ, но и интуицию.

Мы попытались выявить специфику презентации базисных интересов российской молодежи на основе рядка исследований. В их числе: «Социальные конфликты в российском регионе» (2012 год), включавшее анкетный опрос населения Волгоградской, Ростовской и Саратовской областей (n = 1488) и работников органов государственного и муниципального управления (n = 300); «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» (2014 год), проведенное в Белгородской и Волгоградской областях методом анкетного опроса населения (n = 1500) и работников органов государственного и муниципального управления, СМИ, руководителей общественных организаций, депутатов различных уровней (n = 500); «Стратегии поведения студенческой молодежи в конфликтах» (n = 510) – проведено в 2015 году; «Молодежные конфликты в обществе риска», осуществлено методом анкетного опроса (n = 500) и глубинного интервью молодых людей (n = 30) и работников органов государственной власти (n = 25) в Волгоградской области; «Интересы современной молодежи», проведено методом анкетирования в Волгоградской области (n = 500) в 2016 году.

Последнее исследование, в частности показало, что для значительной части современной российской молодежи характерна неадекватность представления своих идентификационных интересов стандартам публичного дискурса. Это, в частности, выражается в существенной девальвации в сознании молодых людей российской идентичности. Менее половины респондентов (47.50%) относят себя к представителям российской культуры, несмотря на то, что

идея ее поддержки и развития остается на протяжении длительного времени доминирующей официальной установкой. Довольно велики доли тех, кто идентифицирует себя с мировой (15.77%), европейской (12.57%) и евразийской (10.78%) культурой.

При этом снижение ценности российской культурно-цивилизационной идентичности происходит, на первый взгляд, по противоположным направлениям. Первое выражается в желании молодых людей интегрироваться в мировое сообщество или, по меньшей мере, в Европу. Это желание отражает в основном установки, сформированные глобализацией. Второе связано с тенденцией глокализации¹ и выражается в стремлении идентифицировать себя с этносом, регионом, местным сообществом. Исследование показало, что гражданином России ощущают себя только 28.14% молодых людей, в то время как жителем города или района 18.96%; представителем региона – 13.17%; своего народа – 8.78%. Гражданином мира считают себя 17.56% респондентов; европейцем – 9.98%. Глобальная и глокальная идентичность входят в явное или латентное противоречие с российской. Возможно, потому, что в настоящее время последняя остается крайне размытой, носители данной идентичности в молодежной среде не могут убедительно продемонстрировать ее специфику.

Не менее сложен в молодежной среде процесс поиска статусной идентичности. Исследования показывают, что все объекты идентификации молодежи можно разделить на несколько типов в соответствие со сферами деятельности и способом самореализации в них:

- группы, олицетворяющие основные тенденции рыночной экономики (банкиры, предприниматели, фермеры); с ними, отождествляют себя 19.36% молодых людей;
- во-вторых, группа промышленных рабочих, которые в массовом сознании рассматриваются (несмотря на ошибочность этой точки зрения) как аутсайдеры; с ними себя идентифицируют 5.99% молодых людей;

¹ Под глокализацией мы понимаем процесс усиления региональных различий, осуществляющийся на фоне общих глобальных процессов и, в известной мере, в противовес им.

- в-третьих, группы, реализующие себя в сфере массовой культуры и спорта; они выступают объектами идентификации для 19.37% респондентов;
- в-четвертых, так называемые «бюджетники», в которую входят работники социальной сферы – объект идентификации для 5.19% молодых людей;
- в-пятых, группы, которые условно можно отнести к категории управленцев (политики, государственные и муниципальные служащие, «силовики») – 20.75%;
- в-шестых, группы работников науки и искусства; с ними себя идентифицируют 18.76% респондентов;
- в-седьмых, криминальная группа – с нею себя идентифицируют 1.20% респондентов, хотя, возможно, показатель может быть и выше, так как далеко не все молодые люди готовы открыто заявить о подобной идентификации.

Следовательно, можно выделить четыре наиболее типичных презентации идентификационных статусных интересов российской молодежи: а) политико-управленческая; б) рыночная экономическая; в) интеллектуально-творческая и г) масс-культурная. Презентации, которые целесообразно определить как социально-востребованная и продуктивно трудовая выражена слабо.

Современная российская молодежь довольно активно презентует свою готовность и способность к социальной адаптации при (что особенно парадоксально) высоком уровне неудовлетворенности обществом. Исследование 2016 года выявило, что только 17.56% респондентом удовлетворены обществом, в котором они живут; 67.86% выразили однозначную неудовлетворенность, остальные либо затруднились ответить на вопрос, либо не ответили на него.

Но при этом различные опросы подтверждают крайне низкий уровень готовности молодых людей участвовать в общественных действиях, которые хотя бы как-то могли изменить общество. Даже на уровне готовности к активным социальным действиям, которая сама по себе еще не означает практической реализации, позиция молодежи характеризуется довольно низкими показателями. В частности,

согласно результатам исследования «Проблемы участия молодежи в региональных социальных конфликтах» (2014 год), только 69.60% молодых людей готовы участвовать в выборах, 51.13% – в коллективном благоустройстве дворов, подъездов, детских площадок, окружающей территории, 44.00% – в проведении избирательных кампаний, 39.87% – в деятельности территориального общественного самоуправления, домков, уличкомов, 37.67% – в митингах, демонстрациях, пикетах по поводу событий в жизни страны, региона, населенного пункта.

Основной причиной низкой социальной активности мы считаем убежденность в невозможности изменить положение дел в стране, уверенность в своего рода «запрограммированности» властью развития большинства социальных процессов.

При этом молодежь весьма активно презентует собственное стремление к личному жизненному успеху. Успех в большинстве случаев понимается молодыми людьми максимально конкретно, связывается с реализацией жизненных целей преимущественно на уровне микросреды и оценивается с утилитарно-прагматической точки зрения. Чаще всего, как показывает наше исследование 2016 года, молодые люди связывают его с семейным счастьем (23.53%) и богатством (21.96%). 14.97% полагают, что показателем успеха является свобода; 8.58% – власть; 8.18% – возможность реализовать свой талант и способности; 7.78% – слава; 7.39% – карьера.

Представления основной массы молодых людей об условиях достижения успеха в целом адекватны общим тенденциям развития современного общества, в решающей мере определяющегося повышением роли информации, знаний и интеллекта. Так 43.71% респондентов в качестве условия достижения жизненного успеха называет знания; 35.33% – общую культуру и ум; 7.58% – нестандартность мышления. Значительная часть молодых людей убеждена: успех должен рассматриваться не как проявление в отношении их социального спонсорства и благотворительности, но личных усилий. 22.75% уверены, что он обеспечивается целеустремленностью; 26.95% – общественной активностью; 3.59% – силой воли.

В то же время в молодежной среде сохраняются убеждения о том, что успех могут обеспечить положение родителей (24.75%); связи и

знакомства (18.96%); готовность подчиняться требованиям окружения (16.77%). Сравнительно велика (14.97%) доля тех, кто обуславливает успех чисто формальным фактором – получением свидетельства об образовании или о занимаемой должности (диплома, «корочки»).

На основании полученных данных мы считаем возможным говорить об индивидуализации и прагматизации жизненного успеха в молодежном сознании. При этом во многих случаях представления о нем противоречивы, поскольку сочетают в себе, с одной стороны, апелляцию к феноменам, заданным основным вектором развития информационного общества; с другой стороны, проявляющимся в виде неформальных отношений и связей традициям прошлого.

Тем не менее, представления об успехе можно рассматривать как наиболее показательный случай презентации базисных молодежных интересов. И мы полагаем, что рассчитывать на неформальную (органическую), а не имитируемую поддержку государственной молодежной политики самой молодежью можно лишь в том случае, если она будет соответствовать представлениям молодых людей о содержании успеха. Однако это не означает, что органы государственного и муниципального управления, институты гражданского общества не должны отказываться от задачи корректировки этих представлений. Но такая корректировка может опираться лишь на изначально объективное представление о содержании базисных интересов, полученное различными способами. Системные социологические исследования – один из проверенных временем инструментов их диагностики.

Список литературы

1. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии. 2010. № 1. С. 109–115.
2. Бабинцев В.П. Субкультура бюрократии: приговор модернизации России? // Власть. 2013. № 1. С. 21.
3. Гусев Б.Б., Лопухин А.М. Стратегия государственной молодежной политики (с комментариями). М.: Издательство РГСУ, 2007. С. 19.

4. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М.: Прогресс, 1982. С. 45.
5. Маршак А.Л., Рожкова Л.В. Жизненный успех в представлениях российской молодежи // СОЦИС. 2015. № 8. С. 157.
6. Морозова Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона. Диссертация ... докт. социол. наук. Белгород, 2012. С. 190.
7. Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1, Вып. 2. С. 73.
8. Об утверждении «Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года»: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=171835;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.27321345754899085> (дата обращения: 01.02.2016).
9. Савельев И.Л. Государственная молодежная политика в отношении студенчества в условиях современных социально-политических трансформаций российского общества: федеральный и региональный аспекты: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.05 / Савельев Игорь Леонидович. Казань, 2000. 181 с.
10. Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М.: Academia, 2008. 608 с.
11. Социология молодежи: учебник. СПб.: СПбГУ, 1996. С. 32.
12. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р. URL: <http://vmo.rgub.ru/policy/act/strategy.php> (дата обращения: 22.01.2016).
13. Тоом А. Л. На пути к рефлексивному анализу художественной прозы // Семиотика и информатика. 1981. Вып. 17. С. 183.

References

1. Babincev V.P. and Reutov E.V. *Samoorganizacija i «atomizacija» molodezhi kak aktual'nye formy sociokul'turnoj refleksii*. 2010. no. 1, pp. 109–115. (In Russ.).

2. Babincev V.P. *Vlast*, 2013, no. 1, pp. 21. (In Russ.).
3. Gusev B.B. and Lopuhin A.M. *Strategija gosudarstvennoj molodezhnoj politiki (s kommentarijami)* [Strategy of the state youth policy (with comments)]. Moscow, Izdatel'stvo RGSU, 2007. pp. 19. (In Russ.).
4. Markov M. *Tehnologija i jeffektivnost' social'nogo upravljenija* [Technology and efficiency of social management]. Moscow, Progress, 1982. pp. 45. (In Russ.).
5. Marshak A.L. and Rozhkova L.V. *SOCIS*. 2015. no 8, pp. 157. (In Russ.).
6. Morozova T.I. *Regulirovanie processov samoorganizacii molodezhi v sociokul'turnom prostranstve regiona* [Regulating processes of self-organization of young Mrs. socio-cultural space in the region]. Belgorod, 2012, pp. 190. (In Russ.).
7. Nort D. *THESIS*. 1993. vol. 1, Vyp. 2, pp. 73.
8. *Ob utverzhdenii «Osnov gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda»: rasporyzhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 nojabrja 2014 g. № 2403-r*. [Approval of the “Fundamentals of State Youth Policy of the Russian Federation for the period till 2025”: the disposal of Russian governor-tion from November 29, 2014 № 2403-p]. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=171835;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.27321345754899085> (accessed February 01,2016).
9. Savel'ev I.L. *Gosudarstvennaja molodezhnaja politika v otnoshenii studenchestva v uslovijah sovremennyh social'no-politicheskikh transformacij rossijskogo obshhestva: federal'nyj i regional'nyj aspekty* [State youth policy for students in the conditions of modern sociopolitical transformer-tions of the Russian society: federal and regional aspects]. Kazan', 2000. 181 p. (In Russ.).
10. *Sociologija molodezhi. Jenciklopedicheskij slovar'* [Youth Sociology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Academia, 2008. 608 p. (In Russ.).
11. *Sociologija molodezhi* [Sociology of Youth]. St.-Petersburg, SPbGU, 1996. pp. 32. (In Russ.).
12. *Strategija gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v Rossijskoj Fe-deracii. Utverzhdena rasporyzheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrja 2006 g. № 1760-r* [Strategy of the state youth policy in the

Russian Federation. Approved by Decree of the Government of the Russian Federation-tion of 18 December 2006 № 1760-p]. <http://vmo.rgub.ru/policy/act/strategy.php> (accessed January 1.2016).

13. Toom A. L. *Semiotika i informatika*. 1981. № 17, pp. 183.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ушамирский Алексей Эдуардович, декан юридического факультета,
кандидат юридических наук, доцент
МБОУ ВО «Волжский институт экономики, педагогики и права»
ул. Советская, 6, г. Волжский, Волгоградская область, 404111, Россия
viepp@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ushamirskiy Aleksei Eduardovich, Dean of the Law Faculty, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Volzhsky Institute of Economics, Pedagogy and Law
6, Sovetskaya St., Volzhsky, Volgograd region, 404111, Russian Federation
viepp@list.ru